

К ИСТОРИИ ИЗЪЯТИЯ ЦЕРКОВНЫХ ЦЕННОСТЕЙ
В БЕЛАРУСИ В НАЧАЛЕ 1920-х гг.:
ДЕЛО АРХИЕПИСКОПА МОГИЛЕВСКОГО И
МСТИСЛАВСКОГО КОНСТАНТИНА (БУЛЫЧЕВА)

Грищенко И. А.

*Гомельский государственный технический университет им. П. О. Сухого
Гомель, Беларусь
E-mail: iris10i@mail.ru*

В статье раскрываются некоторые стороны процесса изъятия церковных ценностей в начале 1920-х гг. в Могилевской епархии. Анализируется деятельность архиепископа Могилевского и Мстиславского Константина (Булычева) в данный период.

Ключевые слова: Белорусская Православная Церковь, архиепископ Константин (Булычев), изъятие церковных ценностей, обновленчество.

**ON THE HISTORY OF THE SEIZURE OF CHURCH
VALUABLES IN BELARUS IN THE EARLY 1920S:
THE CASE OF THE ARCHBISHOP OF MOGILEV AND
MSTISLAV KONSTANTIN BULYCHEV**

Grishchenko I.

*Sukhoi state technical university of Gomel
Gomel, Belarus*

The article is devoted to the process of seizure of church valuables in the early 1920s in the Mogilev diocese of the Belarusian Orthodox Church.

Keywords: Belarus Orthodox Church, archbishop Konstantin Bulychev, seizure of church valuables, renovationist split.

Большевики использовали различные методы борьбы с Русской Православной Церковью (РПЦ) в зависимости от политической ситуации и конъюнктуры. Голод в Поволжье и ряде других регионов страны в начале 1920-х гг. был использован советским руководством для решительного наступления на Церковь. Тут следует выделить две преследуемые цели: первая – изъятием церковных ценностей, а по сути грабежом РПЦ пополнить государственный бюджет, вторая – подключить церковных провокаторов к делу раскола и уничтожения РПЦ изнутри.

Как только стало известно о масштабном голоде в Поволжье РПЦ сразу включилась в работу по организации сбора средств для голодающих. В короткий срок епархиальные комитеты собрали 9 млн. рублей [1, с. 81]. Позже власти будут обвинять патриарха Тихона в противодействии изъятию церковных ценностей и, следовательно, бойкотированию помощи голодающим. Однако «Всероссийский общественный комитет помощи голодающим» (Помгол) был образован при непосредственном участии патриарха. Вскоре Помгол был распущен властями, а при ВЦИК была образована «Центральная комиссия помощи голодающим». Послание патриарха от 28 февраля 1922 г., которое власти квалифицировали как контрреволюционное, было спровоцировано самими властями. По

просьбе Помгола, а позже следуя призыву Комиссии ВЦИК, патриарх дал свое согласие сдать церковные ценности, которые не имеют богослужебного употребления, о чем уведомил паству 19 февраля. Сбор средств шел довольно активно, что напрягло советское руководство. Такая активность духовенства и мирян усиливала симпатии к Церкви и не вписывалась в антицерковную пропаганду властей. 23 февраля ВЦИК своим декретом инициировал немедленную конфискацию всех драгоценных предметов. В результате стали насильно изыматься священные сосуды и богослужебные предметы. В послании от 28 февраля патриарх назвал святотатством действия властей в отношении святынь: «Еще в августе 1921 г., когда стали доходить слухи до нас о столь ужасающем бедствии и почитая долгом своим прийти на помощь страждущим духовным чадам Нашим, обратились с посланиями к главам отдельных христианских Церквей (Православным патриархам, Римскому Папе, Архиепископу Кентерберийскому и епископу Нью-Йоркскому) с призывом во имя христианской любви провести сборы денег и продовольствия и выслать их умирающему от голода населению Поволжья. Мы нашли возможным разрешить церковно-приходским советам и общинам жертвовать на нужды голодающих драгоценные церковные украшения и предметы, не имеющие богослужебного употребления. Но после резких выпадов в правительственных газетах по отношению к духовным руководителям Церкви 13–20 февраля, ВЦИК постановил изъять из храмов все драгоценные церковные вещи, в том числе и священные сосуды и прочие богослужебные церковные предметы. С точки зрения Церкви подобный акт является актом святотатства» [2, л. 4]. При этом патриарх призвал продолжить сбор средств для голодающих деньгами, драгоценностями, продовольствием. На местах же любые попытки укрывательства со стороны верующих предметов культового значения квалифицировались как контрреволюционная деятельность, направленная против советской власти. Это послужило поводом для нового витка репрессий в отношении РПЦ. По некоторым данным в 1922–1923 гг. физически было уничтожено 8100 священников и монахов [1, с. 82].

Этот процесс коснулся так же и Беларуси. Дело Могилевского архиепископа Константина (Булычева) (1858–1928) свидетельствует о драматичности ситуации, сложившейся и в РПЦ, и в стране.

Правящий архиерей Могилевской епархии Константин (Булычев) был арестован 19 мая 1922 г. Были также арестованы келейник архиепископа Филипп Васильев и несколько священников. Главная причина ареста – распространение воззвания патриарха Тихона от 28 февраля 1922 г., что приравнивалось к контрреволюционной агитации [2, л. 66]. Основанием для этого обвинения послужил донос на архиеп. Константина за неразборчивой подписью [2, л. 47]. В объяснительной архиепископ указывал, что воззвание патриарха Тихона он не обнародовал, не распространял, а держал у себя в канцелярии [2, л. 68–71 об.]. Что касается изъятия церковных ценностей в пользу голодающих, то еще 27 апреля архиерей подал рапорт в уездную комиссию по изъятию церковных ценностей, которую уведомлял, что им проведено собеседование с благочинными церковью Могилевского уезда, и он попросил клириков принять все необходимые меры, чтобы изъятие прошло спокойно, без каких-либо эксцессов [2, л. 31]. Тот факт, что архиерей получал анонимные письма с предупреждениями о готовящемся против него заговоре (игуменя Буйничского монастыря Рафаила – одна из его организаторов), свидетельствует о нездоровой атмосфере в епархии [2, л. 37]. Однако за архиепископа заступились верующие Могилева, которые собрали в его защиту 257 подписей и в ходатайстве отметили, что он является строгим исполнителем всех распоряжений советской власти и благодаря правящему архиерею изъятие церковных ценностей по Могилевской епархии прошло без инцидентов. Верующие просили ускорить освобождение архиепископа, к тому же больного старца, и ручались, что «он и в будущем останется вне упреков со стороны Советской власти» [2, л. 56–57 об.]. Просьба верующих не была удовлетворена.

Архиепископу Константину следствие устроило очную ставку со священником д. Проскурня Рогачевского уезда Георгием Козловским. Ранее Козловский утверждал, что

священники Могилевской епархии архиерею не доверяют. Он пожаловался на секретаря епархии Петра Сахарова и келейника архиерея Филиппа Васильева, которые издевались над ним, посылая его «к жидам и босякам, за его поддержку изъятия церковных ценностей». Козловский так же сообщил, что он купил в Гомеле у священника Георгиевской церкви Павла Гинтовта серебряную чашу с полным прибором (ложка, дискос, звезда), простую чашу, две складных серебряных иконы в больших киотах (Георгия и Николая), икону Успения Богородицы и образ Спасителя в серебряном окладе, а также малую икону Богоматери и Евангелие малое в серебряном окладе. Все эти иконы – из упраздненных военных церквей. Затем Георгий Козловский сдает и духовенство, и активных мирян, сообщая, что одна чаша с прибором укрывается у прот. Василий Слайчевского или его зятя Николая Шафрановского (делается это по секретному распоряжению архиеп. Константина), остальные вещи находятся у мирян в д. Проскурня. Среди укрывателей Козловский выделил В. Н. Козлова, бывшего офицера царской армии, а также старосту церкви и псаломщика [2, л. 84–85 об.].

Со слов священника Георгия Козловского, архиерей утверждал, что «советским газетам верить нельзя», он цитировал патриарха, что «за выдачу святыни советской власти уподобитесь Иуде, вторично предав Господа», а кто из священников ревностно будет защищать святыни до самоотвержения, таковой священник будет причислен церковью к лику святых мучеников за Христа. Архиеп. Константин ответил, что все сказанное священником Козловским не соответствует действительности, и такого разговора у него с Козловским не было. К тому же архиерей напомнил, что Георгий Козловский освобожден от должности священника, хотя не лишен сана, поскольку прихожане Рогачевского уезда неоднократно жаловались на его неблагоприятные поступки. Было произведено расследование иереем жлобинской церкви Цитовичем, которое подтвердило факт вымогательства, грубость и нетрезвость Козловского. Далее архиепископ отметил, что согласен с постановлением ВЦИК об изъятии церковных ценностей, а указаний патриарха он не обнаружил и в жизнь их не приводил, опасаясь нежелательных последствий. Показания Георгия Козловского следствию трудно было брать в расчет, поскольку он был душевно нездоровым человеком. Хотя сам Козловский уверял, будто его нахождение в психиатрической больнице до революции – это была попытка укрыться от политического преследования со стороны властей [2, л. 72–78 об.].

Когда архиеп. Константин и лиц, проходивших по его делу, перевезли в Гомель, в следственный отдел ГПУ поступило очередное прошение от религиозных общин Гомеля отпустить престарелого архиерея на поруки, чтобы он проживал до особого распоряжения в Гомеле, являясь на каждый вызов к следователю. Просьба была мотивирована тем, что владыка нездоров. Кроме того, верующие Гомеля хотели привлечь его к участию в церковной жизни города. Прошение было подписано представителями религиозных общин: Петропавловского собора – М. Купреевым, Троицкой церкви – И. Говейко, Преображенской церкви – Ф. Козлевским. Справка от врача, подтверждала, что архиеп. Константин страдал артериосклерозом и нуждался в медицинской помощи [2, л. 81, 95].

Уполномоченный Гомельского отделения ГПУ Д. Ковалев, рассмотрев следственный материал в деле № 998 по обвинению Могилевского архиерея, 29 мая 1922 г. постановил, что следствие следует продолжить с содержанием подследственных под стражей [2, л. 96]. Все последующие допросы вращались вокруг воззвания патриарха Тихона от 28 февраля 1922 г. и позиции архиеп. Константина относительно этого воззвания. Псаломщик Трехсвятительской церкви Могилева Сахаров Петр Алексеевич подтверждал, что было получено послание патриарха Тихона в двух экземплярах. Один привез Сергей Иванцов, второй – агроном Николай Туторский.

Сергей Иванцов – сын профессора духовной академии, преподаватель Красноармейского университета, прапорщик запаса Красной армии, по образованию юрист и филолог, являлся членом Совета Могилевского братства. Сам С. Иванцов отрицал, что привозил из Москвы воззвание патриарха. На допросе он рассказал, что в начале марта 1922

г. ездил в Москву к патриарху Тихону с просьбой не допустить в качестве викарного епископа Варлаама (Ряшенцева). Ответа от патриарха С. Иванцов не получил, но на имя архиеп. Константина был передан пакет, который архиерей вскрыл при Иванцове и зачитанное письмо касалось еп. Варлаама, но об изъятии церковных ценностей ни с архиереем, ни со священниками Иванцов не беседовал [2, л. 86–90, 93–93 об.].

Псаломщик П. А. Сахаров показал, что архиеп. Константин зачитал послание патриарха, но не считал нужным его рассылать по епархии. В послании говорилось, что миряне за сдачу церковных ценностей подлежат отлучению от Церкви, а священники – извержению из сана. Послание патриарха архиерей показывал священникам Зефирову, Бруевичу, Мигаю, Страдомскому, Доморацкому. На совещании благочинных архиепископ просил священников Петра Бруевича, Михаила Волкова, Николая Жудро о том, чтобы изъятие проходило спокойно, а послания патриарха он им не читал. В церкви Трех святителей прот. Николай Зефиров вкратце изложил суть послания патриарха. Некоторые прихожане предлагали заменить церковные ценности на не церковные, но против изъятия никто не высказывался. Патриаршее послание Сахаров дал почитать Зефирову не с целью распространения, а как сослуживцу, с которым делился новостями. Девятнадцатилетний келейник архиеп. Константина Филипп Васильев показал, что архиерей воззвание Тихона среди верующих не распространял. Была обнародована только телеграмма Царицынской епархии с призывом о помощи голодающим [2, л. 99–101 об.; 112–112 об.; 114].

Фигуранты дела священники Николай Зефиров, Иван Мигай, Петр Бруевич, Иван Страдомский в своих показаниях были единодушны: архиеп. Константин послание патриарха обнародовать не собирался и изъятию церковных ценностей не препятствовал [2, л. 146, 157–159 об., 166–166 об., 178]. На вопрос следователя, почему о получении возвания патриарха Тихона не донесли органам, священник Петр Бруевич ответил, что этому факту он не придал значения. Дело осложнялось тем, что сын священника Бруевича служил следователем Гомельского губревтрибунала. Петр Петрович Бруевич по этой причине подал рапорт, в котором, изложил сведения, полученные им из разговора с отцом. Якобы было разостлано воззвание патриарха, чтобы церковные ценности заменяли другими ценными предметами и деньгами. Следователь своего отца-священника выгораживал, утверждая, что у того были по службе с архиереем трения [2, л. 91].

К делу архиеп. Константина привлекли священника из Рогачева Акулина Евгения Александровича. Акулин отрицал негативное отношение правящего архиерея к изъятию церковных ценностей, а о возвании патриарха сам Акулин ничего не знал. Следствие опять обратилось к Георгию Козловскому, с которым Акулин учился в семинарии. По словам Козловского в дружеской беседе Акулин якобы рассказал, что архиерей дал устную инструкцию уклоняться от сдачи церковных ценностей (святынь, чаш, дарохранительниц). Акулин якобы предупредил Козловского, что бы он распространялся о послании патриарха с крайней осторожностью, чтобы не узнал кто-либо, кто заражен советским духом и может выдать. Евгений Акулин считал, что все сказанное Козловским – провокационный выпад с его стороны, так как Козловский состоит под духовным следствием за пьянство, вымогательство и грубость.

После предъявления справки уполномоченного по Рогачевскому уезду от 25 мая 1922 г. об укрывательстве настоятелем Рождество-Богородицкой церкви Рогачева Акулиным Евгением церковных ценных вещей из бывшего реального училища, прот. Евгений Акулин подтвердил, что оставил при себе дарохранительницу и чашу, о чем уведомил комиссию по изъятию церковных ценностей, ходатайствуя об их замене. Серебряный прибор – чаша, дискос, звезда – из училища были привезены после закрытия церкви диаконом Кузнецовым. Вещи эти, официально оформленные, не были указаны в описи Рождество-Богородицкой церкви, т. к. были взяты во временное хранение. Акулин, с его слов, не сдал эти предметы, т. к. упустил их из виду. После изъятия Кузнецов вспомнил о них и решил сам сходить в финотдел. В это же время пришло сообщение, что ходатайство о замене чаши и креста было отклонено. Решили отнести несданные вещи, но тут последовал арест.

Акулину пришлось оправдываться, что серебряные оклады с икон не были сданы в виду их ветхости, – прихожане просили что-то забрать себе на память. Акулин отрицал причастность к преступлению против власти и так же не считал архиерея преступником, поскольку возвания патриарха тот не распространял и относится к этому документу отрицательно.

За священника Евгения Акулина неоднократно ходатайствовали верующие: жители деревень Задружье Лукевской волости, Ходосовичи Городецкой волости, Колосы, рабочие и служащие Рогачевского лесопильного завода, служащие станции Рогачев, прихожане рогачевской церкви Рождества Богородицы. На прошениях стояли подписи председателей сельсоветов [2, л. 123–139].

Уполномоченный Гомельского отдела ГПУ Д. Ковалев счел, что поскольку Булычев, Мигай и Бруевич обвиняются в контрреволюционной деятельности второй раз, то «заслуживают строжайшей ответственности вплоть до применения высшей меры наказания за активные контрреволюционные действия, направленные на свержение Советской власти» [2, л. 236]. Гомельский губернский ревтрибунал, рассмотрев дело, 22 октября 1922 г. вынес свой вердикт: архиеп. Константин (Булычев) за то, что хранил контрреволюционное послание патриарха приговаривался к двум годам тюремного заключения; священник Николай Зефирова за то, что выступая перед верующими, вкратце коснулся контрреволюционного возвания Тихона, получил один год заключения; псаломщик Петр Сахаров за то, что дал возможность ознакомиться с возванием Тихона получил один год условно с испытательным трехгодичным сроком. Вынесению окончательного приговора предшествовали кассационные жалобы со стороны обвиняемых, а так же усилия Сергея Мигая – сына обвиняемого священника, артиста Большого театра в Москве. Сергей Мигай обратился за протекцией к наркому просвещения А. Луначарскому, а также хлопотал о назначении опытного адвоката по этому делу [2, л. 400, 239, 265]. По распоряжению прокурора Верховного трибунала ВЦИК архиеп. Константину снизили срок заключения до одного года. В связи с амнистией к восьмой годовщине Октябрьской социалистической революции Булычева и Зефирова освободили. Определением кассационной коллегии Верховного трибунала ВЦИК все фигуранты дела были освобождены в январе 1923 г. [2, л. 401–402].

Существенный подтекст этого дела проясняет то, что копию обвинительного акта из Гомеля направили в Москву, чтобы использовать для организации процесса против патриарха Тихона. В 1922–1923 гг. активизировалось обновленческое движение, действовавшее под руководством советских спецслужб. Главной мишенью многочисленных судебных процессов в связи с изъятием церковных ценностей стал именно патриарх Тихон, а в его лице каноническая Православная Церковь. Обращение к верующим Горещкого уездного отдела политпросвещения лишней раз подтверждает провокационный характер обновленчества: «Кто против изъятий? ... Это та часть высших сановников церкви и их прихлебателей, которые своими интересами и по родству тесно связаны с царским режимом, дворянством, князьями и крепостниками помещиками. <...> Не о церкви и вере они заботятся, а лишь о том, чтобы помешать Советской власти помочь голодным. Они – дворяне, и в душе глубоко ненавидят и презирают народ за его грубые мозолистые руки, за то, что он отнял у них власть. Но есть другая часть духовенства. Это почти все низшее духовенство, которое живет бок о бок с народными массами <...> не потерявшие своей совести, не продавшие свою душу дьяволу». Риторика для такого органа кажется странной. В числе «порядочного» духовенства были упомянуты еп. Антонин (Грановский), петроградские священники А. Введенский И. Альбинский, А. Боярский, В. Воскресенский, Е. Засельский, М. Попов, а также архиеп. Костромской Серафим (Мещеряков), который в 1922 г. возглавил обновленческую Могилевскую епархию и как митрополит инициировал созыв первого обновленческого Белорусского собора [2, л. 54].

Архиеп. Константина (Булычева) ситуация сломала, он перешел в обновленчество. С июля 1923 г. в качестве архиерея Гомельского и Речицкого, он возглавил обновленческое

епархиальное управление. Кафедра обновленцев расположилась в Петропавловском соборе Гомеля. Константин (Булычев) обновленцами был возведен в сан митрополита и отправлен на покой. В 1925 г. он принес покаяние и был принят в общение митр. Петром (Полянским). Но оставался архиеп. Константин в лоне канонической Церкви недолго. Уже в декабре 1925 г. он принял участие в организации нового раскола – григорианского, что породило о нем поговорку в церковных кругах: «Дух покаяния не оставлял его даже до гроба, при многократных переходах его из одного раскола в другой» [3, с. 55]. Заместитель патриаршего местоблюстителя митр. Сергей (Страгородский) 29 января 1926 г. запретил в священнослужении архиеп. Константина (Булычева), который до своей смерти так и не воссоединился с Патриаршей Церковью.

ЛИТЕРАТУРА

1. Шкаровский, М. В. *Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущеве* / М. В. Шкаровский. – М. : Издательство Крутицкого подворья, 2005. – 424 с.
2. Государственный архив Гомельской области (ГАГО). – Ф. 100. – Оп.1. – Д. 357.
3. Шиленок, Дмитрий, священник. *Из истории Православной Церкви в Белоруссии (1922–1939): («Обновленческий» раскол в Белоруссии)* / священник Дмитрий Шиленок. – М. : Издательство Крутицкого подворья, 2006. – 217 с